

открытіе училища, въ село пріѣхалъ «окружной» и привезъ учителя изъ семинаристовъ, который на первыхъ же порахъ свелъ съ мужиками большую дружбу въ сосѣдствѣ кабака и оказался самымъ душевнымъ человѣкомъ: онъ привезъ съ собою гитару и доставилъ удовольствіе всему селу, залихватски наигрывая на ней знакомыя пѣсни.

Эти черты—вовсе, однако, не грубая карриатура; напр. картофель, который нѣкогда съ великимъ трудомъ вводили въ народное хозяйство, народъ считалъ чортовымъ яблокомъ, и приказъ сѣять его вызывали настоящіе бунты; преданія о табакѣ извѣстны; толки о наборѣ полковъ изъ дѣвокъ, даже для отсылки въ чужіе края, повторялись періодически. Народное легковѣріе существуетъ не у насъ однихъ; но такое фантастическое направленіе его составляетъ нашу особенность и сколько въ немъ участвуетъ крайняя темнота, ребяческое состояніе народнаго ума, это не требуетъ объясненій¹⁾.

Подобныя картины народнаго невѣжества, безправія, испорченности Левитовъ приводитъ и изъ жизни другого простонароднаго слоя—бѣднаго городского населенія (напр., въ московскихъ захолустьяхъ), и населенія подгороднаго, гдѣ на народную почву прямо ложатся вліянія городской испорченности. Назовемъ цѣлый длинный рядъ рассказовъ, собранныхъ во второмъ томѣ сочиненій Левитора: «Нравы московскихъ дѣвственныхъ улицъ», «Счастливые люди», «Московскія уличныя картины», «Хорошія воспоминанія», «Не сѣютъ, не жнутъ»; «Безпріютный», «Шоссейный день», «Безпечальный народъ» и др. Левитовъ и здѣсь былъ наблюдателемъ компетентнымъ: мы видѣли изъ его біографіи, что ему случалось много жить въ московскихъ трущобахъ, въ которыя загоняла его крайняя нужда; его рассказы не были (какъ бывало даже у лучшихъ правоописателей) основаны только на немногихъ дѣйствительно подсмотрѣнныхъ фактахъ, потомъ обильно дополненныхъ и подкрасенныхъ фантазіей, напротивъ, у него была масса самыхъ подлинныхъ наблюденій.

Нашъ писатель не могъ обойти еще одного элемента народной жизни—сельскаго духовенства; онъ касается его вообще мимоходомъ, но остается одно, болѣе отрицательное, впечатлѣніе: духовенство играетъ меньше роли, чѣмъ было бы желательно для нравственнаго воспитанія народа. Народъ, безъ со-

¹⁾ Ср. еще подобные эпизоды деревенскихъ и городскихъ слуховъ и страховъ—т. I, стр. 345—350; II, стр. 482 (толки о московской выставкѣ).